

Камышников Л. А. Чехов на американской сцене // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 3.

А. Чехов на американской сцене

В пьесе «Вишневый сад» горничная Дуняша в первом акте пудрится из «компакта» револонской фирмы, а в последнем выходит на сцену в кокошнике. Варя, приемная дочь Раневской, называет себя монашкой: «пошла бы себе в пустынь, потом в Киев, в Москву, и так бы все ходила по святым местам: ходила бы, да ходила. Благолепие...» а актриса, играющая Варю, щеголяет в локонах, завитых по всем правилам парикмахерского искусства.

Лакей Яша, в присутствии господ, все время раскуривает сигару, а по Чехову курит только один раз, да и то в саду на пикнике. Помещик Симеон-Пищик по ремарке носит поддежку, а на американском экране щеголяет в сортуке европейского образца. Фирс, которому стукнуло восемьдесят шесть лет, говорит могучим басом и бегаёт по сцене, как молодой.

И все это было бы ничего, если бы не общий тон пьесы. Чехов — первый русский драматург, принесший на сцену музыку слова, гармонический ритм речи, который роднит содержание пьесы с настроением зрителя, объединяет публику с актером в одном психологическом процессе. Этот секрет чеховского ритма создал неповторимую атмосферу Московского Художественного Театра. Если, например, во втором акте Раневская произносит фразу: «Епиходов идет», то эта фраза звучит не столько, как оповещение факта, сколько как выражение невыразимой солидарности и скуки, навеянной деревенской рутинной. Такое превращение слова в музыкальный аккорд передается зрителю в форме насыщенного чеховского настроения.

В какой степени эта музыка чеховских пьес поддается передаче на сцене не русского театра — сказать трудно. По крайней мере в постановке «Вишневый сад», которая была показана на экране телевидения в течение целой недели, ничего похожего на то, что мы привыкли видеть на русской сцене — не было. Каждый актер в отдельности, очень старательно и с полной реальностью передавал содержание своей роли, но между актерами не было того единения, которое звучит в совместной беседе не только на сцене, но и в жизни. Умение слушать и созвучно откликаться на слово собеседника — основной закон сценического действия. Актеры должны сливать воедино мелодию речи не только когда говорят, но и когда слушают друг друга. В чеховских пьесах отсутствие «слушания» производит удручающее впечатление. Так может играть оркестр при полном отсутствии дирижера: когда инструменты звучат вразброд, каждый по своему хорошо, но с полной какофонией совместного действия. Недостаток тем более удивительный, что пьесы Чехова ставятся в Америке часто с большой любовью и исключительным уважением к русскому автору.

Лет тридцать пять назад, когда радио только начинало входить в обиход, когда кинематограф носил гордое название «Великого Немого», а о телевизорах никто еще не догадывался, в театре на 14 улице знаменитая американская актриса Ива Ле Гэлиэн поставила, кажется впервые в Америке, пьесу Чехова «Три сестры». Можно было ожидать, что в ту пору, когда американская провинция жила в условиях значительной оторванности от больших центров, настроение чеховских «сестер», мечтавших о жизни в столице, и навзрыд повторявших фразу «В Москву, в Москву» встретит отклик у такого американского провинциала. Ничуть не бывало. Публика с недоумением прислушивалась ко вздохам, несшимся со сцены, и спрашивала с полной откровенностью: «разве так трудно из любого места России купить железнодорожный билет и съездить хотя бы туристом в Москву?»

«Три сестры» как будто «не дошли» до сознания зрителя, и эта пьеса по сей день осталась наименее популярной в американском театре. Зато особенным успехом пользовались и продолжают пользоваться

другие пьесы Чехова: «Дядя Ваня», «Чайка» и «Вишневый сад». Несколько лет назад предприимчивый пионер чеховских пьес Дэйвис Росс создал на Ист Сайте своеобразный «Чеховский театр». Он не был похож на обычный театр: каким мы его себе представляем. Вместо сцены актеры играли на подмостках без декораций. Узкий длинный зал, похожий на коридор, вынудил устроителей сажать публику по обе стороны подмостков и зрители одной стороны видели против себя публику на противоположной стороне подмостков, а между обеими группами зрителей шло представление. Можно ли себе представить обстановку, наименее подходящую для пьес чеховского настроения?

Тем не менее «чеховский театр» просуществовал несколько лет и отмечен всей американской критикой, как одно из самых ярких достижений американской сцены. Играли действительно великолепно. Остается в памяти обдуманная и глубоко прочувствованная фигура доктора Астрова в исполнении Френшот Тона, хотя это и был не врач с налетом русского скептицизма и разочарования. Все же это была своеобразная и в своем роде замечательная сценическая интерпретация. Играли и другие актеры очень хорошо, не задумываясь о том, в какой мере их исполнение создает атмосферу русской провинции. Это был интересный и поучительный спектакль, свидетельствующий о том, что Чехов, несмотря на отдаленные черты русского писателя — восьмидесятника, все же остается автором общечеловеческого значения.

В чем же все таки секрет обаяния писателя, казалось бы корнями глубоко врастшего в русскую землю, а во внешнем отражении российского быта — остающегося глубоко национальным? Объяснить это только одной модой на все русское, любопытством к стране, все еще остающейся для многих загадкой — более чем недостаточно. Ведь тяга ко всему русскому вовсе не обязательно связана с писателем, умершим пол-столетия назад, столетие со дня рождения которого исполняется в эти дни. С таким же успехом можно было бы назвать ряд русских писателей характерных для русского творчества и способных удовлетворить любознательность иностранцев. Чехов популярен не только в Америке, но и во всех странах европейского континента. Его пьесы одинаково ставятся, как на сценах славянских народов, так и в странах с латинским населением. И больше всего его слушают англосаксонские почитатели. В чем секрет обаяния писателя, считавшего русскую сцену единственным проводником его творческих мыслей и художественных образов? Вряд ли сам автор «Вишневый сад» мог представить себе, что более чем через полстолетия после написания его последней пьесы, миллионы зрителей в неизвестной ему Америке будут переживать трагедию Раневской, вынужденной расстаться с любимым вишневым садом, который уже тогда решительно никому, кроме нее самой, не был нужен. Ведь говорил же Чехов за несколько лет до смерти Ив. Бунину:

— Через семь лет никто меня читать не будет...

— Почему через семь? спросил Бунин.

— Ну через восемь, с неповторимой иронией ответил Чехов.

И через полвека после этого «предчувствия» Чехова, ненюльно возникает вопрос: в чем секрет успеха Чехова не у себя на родине, а за рубежом, в частности в далекой Америке?

И ответ кажется единственным реальным в следующем:

Секрет успеха Чехова в его человечности. Возьмите для примера хотя бы тот же весьма здесь посредственно поставленный «Вишневый сад». Просмотрите перечень всех действующих в пьесе лиц. Если исключить один только персонаж, в котором Чехов сосредоточил все свое отвращение к сконцентрированной пошлости — молодого лакея Яшу, все остальные участники пьесы пронизаны

авторским чувством глубокой человеческой жалости. Чехову искренно и душевно жаль людей, которых он рисует. Он равнодушен и холоден только ко всему недоброму, но горяч и взволнован в поисках живой человеческой души.

Чехов по настоящему любит героиню Вишневый сада Раневскую за то, что она бесприщельна, за то, что всякие сообщения меркантильного порядка кажутся ей чудовищно уродливыми. Чехов знает, как важно быть практиком в жизни, но он разбирается в том, что значит преобладание практических целей и стремлений над идеалистическими. Ему близки люди нерасчетливые и непригодные к жизни: зато они годятся для того будущего «рая на земле», о котором мечтают Трофимовы, Соны, Варя, и другие незадачливые его герои. Тогда уже не понадобятся практики, дельцы, люди голого расчета. Варя, ущемленная судьбой, готовая уйти в монастырь — близка Чехову, болеющему за униженных и обиженных: за неспособных вести борьбу со злом, которого так много вокруг нас. Любит Чехов и бездельника Гаева, этого либерального болтуна и тунеядца, прикрывающего свою болтливость и беспомощность маской поддельной деловитости. Чехов отлично знает цену Гаеву, но что делать, если того Бог обидел, не наделив его характером?

И назойливый бездельник Симеон-Пищик тоже вызывает у Чехова добрые чувства. Он ведь так любит свою единственную дочь Дуняшу, а хороший отец не может быть плохим человеком. И даже телец и кулак Ермолай Лопухин, этот прототип выбитого из колеи революцией — будущего капиталиста, не встречает осуждения у Чехова. Он ведь сам знает, почему вишневому саду

пришел конец, и чеховский «здоровый смысл» подсказывает ему, что Лопухин прав, превращая ненужный сад в дачное место.

А каким упреком всем нам всему человечеству звучит финал Вишневый Сада, когда в заколоченном на зиму доме остается умирать старый Фирс. «Человека забыли» давно стало будничным лозунгом, который должен напоминать всем нам о том, что нет высшей заботы в мире, чем забота о живом человеке.

Любовь, жалость, великодушное сочувствие к чужому горю, забота о ближнем, снисхождение к человеческим слабостям, вера, что жизнь создана не только для огорчений, но и для радостей — все эти чувства не являются привилегией одного только русского сердца. Они свойственны человеку в какой бы области земного шара он ни пребывал. В наше страшное время все эти побуждения гуманистического порядка, более чем когда либо, нуждаются в скорейшем осуществлении. Мир, более чем через полвека после смерти Чехова, даже больше, чем при его жизни, почувствовал потребность в провозвестнике добра и гуманности. Этот мир оценил прекрасную душу подлинного идеалиста, писателя, видевшего все ошибки своего поколения, но свято уверовавшего, что зло не вечно, что придет на земной мир, тот мир душевный, в котором человечество нуждается, и который является единственным верным путем ко всеобщему братству и единению.

Слово Чехова — это та правда, в которой больше всего нуждается растерявшееся во взаимной вражде человечество. Вот почему Чехов, казавшийся понятным только нам, русским, оказался родным и близким всем народам и, в частности народам Америки.

Л. Камышиников